

*М. В. Бусыгина**

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с проблемным полем изучения традиций и инноваций в культуре. Указывается значимая роль традиций как неотъемлемой части культурогенеза. Раскрываются механизмы взаимодействия традиций и инноваций, их культурогенетической взаимообусловленности. Фиксируются механизмы трансформации инновации в традицию. Осуществляется обзор основных исследовательских стратегий в восприятии природы и роли традиций и инноваций в культуре. Речь идет о восприятии традиций как романтизированных аспектов прошлого; о наделении традиций статусом пережитков, присутствующих в культуре; о восприятии традиций как феноменов, противодействующих прогрессу; о понимании традиций как необходимых феноменов культурогенеза, находящихся в постоянном взаимодействии с инновациями. Материал статьи содержит ряд примеров, раскрывающих процесс возникновения и устойчивости традиций. К ним относятся такие факторы, как высокая степень соответствия природе породившей культуры, функциональная нагрузка, сопричастность инновациям, массовизация и предпринимательская деятельность, социальный заказ.

Ключевые слова: традиция, инновация, культурогенез, стереотипизация, «изобретенная традиция», модернизация.

M. V. Busygina

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF TRADITION AND INNOVATION IN CULTURE

The article examines a number of issues related to the problematic field of studying traditions and innovations in culture and points out the significant role of traditions as an integral part of cultural genesis. The author reveals the mechanisms of interaction of

* Бусыгина Марина Владимировна, преподаватель кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, сотрудник отдела научных и творческих программ, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный институт культуры; marinabusygina90@gmail.com

traditions and innovations, their cultural-genetic interdependence, as well as the mechanisms of transformation of innovation into tradition. The paper carries out the main research strategies in the perception of nature and the role of traditions and innovations in culture, covering various types of perception of traditions. Among them there are such as romanticized aspects of the past; remnants in culture; phenomena that counteract progress; and, finally, necessary phenomena of cultural genesis that are in constant interaction with innovations. The material of the article contains a number of examples revealing the process of emergence and sustainability of traditions. These include such factors as a high degree of conformity to the nature of the culture, functionality, complicity for innovation, mass production and entrepreneurial activity, and social order.

Keywords: tradition, innovation, cultural genesis, stereotyping, “invented tradition”, modernization.

Феномен «традиция» является ключевым звеном в понимании специфики культурогенетических процессов, происходящих, в том числе, в современности. Культ трансформации, пронизывающий культуру рубежа XX–XXI вв., устанавливает приоритет инновационного над традиционным, индивидуального над коллективным, а многие черты традиционной этнической культуры вступают в противоречие с культурными трендами современности. На фоне роста модернизационных процессов и ускорения инновационного потока, возникают ситуации массового сброса традиций, что может провоцировать культурогенетические «разрывы». Игнорирование данных качеств культурогенеза может вести к тому, что, с одной стороны, излишний акцент на инновационную составляющую, при игнорировании значимой роли традиций, ведет к утрате специфики культур, тех форм и смыслов, которые отточены на протяжении истории. С другой стороны, попытки максимально сохранять традиционные основы культуры, без учета модернизационных влияний, могут вести к ее архаизации.

Взаимодействие традиционных и инновационных элементов находится в основе механизма развития культур на протяжении всей истории человечества. Однако теоретическое осмысление данных процессов в социальных науках заметно только с XVIII века. В эпоху Просвещения и романтизма традиция рассматривалась несколько ностальгически, как явление положительное, как истинное выражение народа, при этом, противопоставление традиции инновации еще не прослеживается.

Период со второй половины XIX века вплоть до середины XX века связан с поиском общих закономерностей, систематизацией и попыткой теоретического обоснования культурных традиций. Появляется огромный массив фактического материала с описанием различных сторон жизнедеятельности, обычаев и верований различных, так называемых, примитивных обществ, где была зафиксирована «культурная традиция» и обозначена дихотомия традиции-новации.

Разработанная еще эволюционистами, функционалистами и продолженная в работах культурологов и социологов интерпретация этнокультурной традиции в дихотомическом аспекте получила новый импульс в теории модернизации. Масштабные политические и экономические изменения, происходившие после Второй мировой войны, образование новых независимых государств в ходе процессов деколонизации, появление трансконтинентальных корпо-

раций, вовлечение в мировые процессы торговли и туризма — эти и другие факторы оказали большое влияние на исследование вопроса о соотношении между традиционными и инновационными элементами в процессе построения современного общества. В середине XX столетия в поле зрения ученых оказалась социокультурная трансформация различных национальных государств, а именно вопрос о том, могут ли политические, экономические и культурные институты традиционного общества быть интегрированы, способствовать развитию современного общества, или же они «столкнутся» с современностью, препятствуя ее дальнейшему развитию.

В рамках «модернистского подхода», опирающегося в том числе на исследование М. Вебера [2, с. 627–628], этнокультурная традиция представляет собой явление, затормаживающее социокультурный прогресс и не способное адаптироваться к современности. Подобный подход подкреплялся бурным ростом капитализма и технологическим развитием Западных стран в XX столетии. С. Хантингтон (1927–2008) усматривал унифицирующее влияние модернизации, что неизбежно должно привести к стиранию этнокультурных различий: «... современность и традиция — принципиально асимметричные концепции. Все, что не соответствует идеалу современности, именуется традиционным» [11, с. 293–294]. Понятие «традиция» было сформулировано не на основе изучения, наблюдения, а скорее, как гипотетическая антитеза «современности». В таком ракурсе «традиционные» общества по своему характеру локальные, коллективистские, в значительной степени однородны, их способ существования статичен, информация передается практически без изменений из поколения в поколение, с оглядкой на свое историческое прошлое, которое выглядит образцовым. «Современные» общества, напротив, более ориентированы на будущее, глобальный мир, с более выраженным индивидуалистичным характером.

Критики «модернистского» подхода обращали внимание на сохранение многих «традиционных» ценностей и институтов в относительно современных индустриальных обществах, указывали на значимость этих институтов в процессах развития данных обществ. В результате, в конце 1970-х гг. в противовес «модернистской» теории формируется «конструктивистский» подход, в котором была обоснована теория позитивного влияния традиции на процессы модернизации. Среди западных ученых эта точка зрения разработана в работах П. Штомки, Э. Шилза, Ш. Айзенштадта и других ученых.

Ш. Айзенштадт обращает внимание на ошибочность противопоставления традиции-модернизации, исходя из того, что не существует лишь консервативных традиций, характерных для традиционных обществ, и креативных, свойственных модернизационным обществам. Он указывал на то, что как в «современных», так и в «модернизирующихся» обществах динамика модернизации заключалась не в замене одного набора атрибутов другим, т. е. «современности» на «традицию», а, скорее, в их взаимопроникновении и трансформации [14]. В самой традиции исследователь видит противоречивость в результате тесного взаимодействия стабилизирующих и творческих функций. Первые ведут к институционализации традиции, вторые выражены «в попытке изменить границы групп, организаций и социальных систем» [10, с. 146], а их взаимовлияние провоцирует изменения.

В результате, традиция, ввиду своей внутренней противоречивости, находится в постоянном процессе обновления, трансформации. Данную точку зрения поддерживал и Э. Шилз, усматривая в традиции возможность подвижности и развития с сохранением ценностного ядра, так называемой «центральной зоны» — «неизменяющегося стержня культуры, состоящего из ценностей и верований, вокруг которого сосредотачивается подвижная, изменчивая культурная «периферия» [13, с. 117].

Данные идеи получили распространение и в отечественном социогуманитарном знании 1960–1980-х гг. В работах И. В. Суханова, В. Д. Плахова, Э. С. Маркаряна, С. А. Арутюнова, Н. Н. Чебоксарова и других исследователей были разработаны фундаментальные теоретико-методологические концепции. Особую научную значимость представляет «традициология» Э. С. Маркаряна (1929–2011), в рамках которой традиция рассматривается как феномен динамичный и саморазвивающийся, а инновации являются закономерным следствием развития традиций и вытекают из самого их существа [5, с. 484]. Исследователь отмечает, что, будучи универсальной формой, сохраняющей культурное наследие этноса, «традиция» является инновацией в прошлом, а инновация является основой будущей традиции.

Исходя из данной концепции, интерес представляет непосредственно процесс трансформации инновации в традицию. Согласно мнению Э. С. Маркаряна, в ходе строгого отбора изобретенная новация становится частью актуального социокультурного опыта, то есть трансформируется в инновацию. Данный процесс «стереотипизации» инноваций приводит к их закреплению в традиции, которые в свою очередь выступают фундаментом для появления очередных новаций [6, с. 155]. Считается, что достаточно восьмидесяти лет, чтобы традиция стала частью жизни, а официальное распоряжение, закрепляющее феномен на законодательном уровне, еще более поддержит данный процесс.

Однако сложность состоит в том, что нет четких критериев определения возрастного маркера традиций. И не все инновации становятся органической частью культуры. Часто случайные обстоятельства приводят к фиксации одних новаций и отбраковке других. В этой связи, при анализе факторов, влияющих на трансформацию новации в традицию и ее дальнейшее существование, можно выделить следующие:

1. Высокая степень соответствия природе породившей их культуры

Представители каждого общества воспринимают и трактуют окружающую реальность по-своему, сквозь призму своих понятий, верований и взглядов. Посредством устной и письменной традиции, передающей образы и сюжеты, мелодии и ритмы, знаки и символы, создается «генетический код» культуры того или иного этноса, что в совокупности создает картину мира. Соответственно, ценности, общие для всех народов, располагаются в разном соотношении. В этой связи, в зависимости от того, насколько новация соответствует «гештальту» [8, с. 160–175] той или иной культуры, она может быть принятой как «своя» или отвергнута. Примером тому могут послужить песни «Ой, мороз, мороз» (авт. М. П. Уварова, 1945), «Выйду ночью в поле с конём» (муз. И. И. Матвиенко, сл. А. А. Шаганова, 1994), которые стали «народными», довольно быстро утратив авторство слов и музыки.

2. Функциональная нагрузка.

Превращение новации в традицию и ее дальнейшее существование во многом обусловлено выполнением той или иной важной функции, к примеру, коммуникативной или «разряжающей напряженность» на уровне целого коллектива. Будучи тесно связанными с психологией и поведением человека, некоторые культурные традиции служат своего рода буфером, уравнивая различные психические процессы и потребности человека.

Основатель теории функционализма Бронислав Малиновский (1884–1942) отмечал, что различные культурные общества в процессе развития разрабатывают свою собственную систему, которая уравнивает различные части культуры, где каждому элементу отведена определенная роль: «традиция, с биологической точки зрения, есть форма коллективной адаптации общности к ее среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания» [12, с. 249–250]. К примеру, функция религии состоит в том, чтобы помогать человеку справляться с безнадежными ситуациями, над которыми, по мнению антрополога, он не властен, тем самым интегрируя членов группы в единое целое и закрепляя традиции, поддерживающие порядок в рамках общества.

3. Сопричастность инновациям.

По мнению И. В. Леонова и О. В. Прокуденковой, новации закрепляются и ввиду того, что они порой пробуждают некие аллюзии и «припоминания» в культуре, цепляясь за её архаические феномены [7, с. 233]. Так, очередная новация может оказаться отголоском архаики, как, например, свадебный торт в современной России соответствует свадебному караваю — чрезвычайно древней и укорененной традиции.

4. Массовизация и предпринимательская деятельность.

Примером может послужить проникновение рождественской ели в русскую культуру в 1830–1840-х гг. По мнению Е. В. Душечкиной, это было связано с модой на Запад, увлечением немецкой философией и литературой, в первую очередь, интересом к произведениям «Щелкунчик» и «Повелитель блох» Гофмана. Проникновению «немецкого нововведения» также способствовали и предприниматели. Воспользовавшись новым увлечением своих покупателей, владельцы кондитерских Санкт-Петербурга, будучи выходцами из Швейцарии, организовали продажу елок, уже «готовых к употреблению» — с висящими на них фонариками, игрушками и разного рода конфетными и сладкими изделиями [4, с. 74–76].

Исследователь отмечает, по мере того как в России осваивался и распространялся обычай и возрастала популярность Рождественской ели, менялось и отношение, эстетическая и эмоциональная оценка самого дерева, возникал новый образ, ставший основой нового культа. То есть, происходила трансформация отношения к новому, что нашло отражение во всех аспектах восприятия — эстетическом, эмоциональном, этическом, символическом, мифологическом [4, с. 108].

Такое же влияние оказывает и массовая культура, будучи одним из неотъемлемых элементов современности, она служит мощным каналом, посредством которого транслируются те или иные образы (а с ними и ценности), которые

достаточно быстро закрепляются в психике благодаря эмоциональному воздействию, связанному с удовольствием и потребностями.

Отдельного внимания заслуживает такой фактор, как *социальный заказ и регулирование в рамках идеологии, в результате которого появляется «изобретенная традиция»*. В данном контексте представляется интересным направление, рассматривающее процесс отбора и трансляции этнокультурных традиций в тесной зависимости от «конструирования, производства, изобретения и последующего воспроизведения чего-либо в качестве принятого из социокультурного наследия, независимо от того, является оно таковым или нет» [3, с. 340]. Изданная в 1983 г. в Кембридже антология «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера оказала огромное влияние на переосмысление роли прошлого в культуре, соотношения устойчивости и динамики культуры, пределов воздействия политики на культуру. Э. Хобсбаумом и его коллегами было введено ставшее с тех пор общепотребительным понятие «изобретенная традиция». Изобретение традиции представляет собой «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [9].

Примером тому может послужить празднование Дня св. Люции в Швеции. Каждый год 13 декабря, в самое темное и холодное время года, в общественных местах проходит шествие со свечами, символизирующее скорое возвращение солнечного света. Возглавляет подобное шествие девочка, коронованная свечами, ведя за собой ребят, поющих песню «Санта Лючия». Традиция является неотделимой частью шведской идентичности, в том числе и для проживающих за рубежом шведов.

Как указывает Олав Хаммер, большая часть современной традиции празднования Дня св. Люции, оказывается, была создана в течение нескольких лет на рубеже XIX–XX вв. и получила значительный импульс после публикации в стокгольмской газете 1927 г. Песня «Санта Лючия» была адаптирована и переведена на шведский язык с одноименного итальянского произведения, которое никак не связано с декабрем. В оригинале нет упоминания святой светоносной Люции, это лишь название местности на набережной Неаполя. Хотя прошло меньше века с тех пор, как по всей стране распространился современный формат празднования, почти все воспоминания о старых региональных традициях стерлись. Множество старых и более местных традиций, связанных с Люцией, все еще существуют, или, по крайней мере, существовали до тех пор, пока их не заменило пан-шведское шествие. Так, в 2004 году шведское национальное телевидение вместо хорошо известных современным шведам обычаев решило представить старые. В результате, сеть получила многочисленные жалобы зрителей, которые посчитали, что дорогая им традиция была нарушена [15].

За XX век выросло несколько поколений с установками на «правильное» поведение, исполнение песен, праздничные атрибуты и ритуалы стали в самом широком смысле традицией. То, что некогда было сконструировано или изобретено, в настоящий момент является неотъемлемой частью шведской культуры. Данный пример хорошо демонстрирует упомянутый выше процесс

«стереотипизации», обоснованный Э. С. Маркаряном как значимый аспект формирования традиции, в то же время, указывает на то, что провести четкую границу между спонтанным, «снизу проросшим» и в чистом виде сконструированным зачастую весьма трудно.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в современном отечественном и западном гуманитарном знании наиболее популярной точкой зрения является положительный взгляд на потенциал и влияние культурной традиции на процессы модернизации. Применений системный подход позволил рассмотреть инновацию и традицию как систему, элементы которой тесно взаимодействуют и находятся в единстве. Перечень обстоятельств, влияющих на трансформацию новации в новую традицию можно продолжить, однако, вышеперечисленного достаточно, чтобы обозначить высокую степень её пластичности. Какие бы факторы ни играли главенствующую роль, можно согласиться с мнением исследователя К. А. Богданова о «спасительной» функции традиции, которая контролирует «экзистенциальное беспокойство» общества тем, что позволяет извлекать из нее именно тот смысл, который необходим для придания смысла самой повседневности [1, с. 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов К. А. Повседневность и мифология. — СПб.: Искусство-СПб, 2001. — 437 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. Гофман А. Б. Социология традиции и современная Россия // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — Вып. 7. — С. 334–352.
4. Душечкина Е. В. Русская елка. История. Мифология. Литература. — СПб.: Норинт, 2002. — 415 с.
5. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. — М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 1020 с.
6. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ. — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
7. Новизна культуры или культура новизны / Н. Н. Суворов, И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова. М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ин-т культуры. — СПб.: СПбГИК, 2021. — 272 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М.: Эксмо, 2006. — С. 160–175.
9. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy/viewer> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity. — New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973. — 367 p.
11. Huntington S. P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. — 1971. — Vol. 3. — № 3. — P. 283–322.
12. Man and culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski / edited by Raymond Firth. — Los Angeles, 1957. — 292 p.

13. Shils E. Centre and Periphery in The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. — Routledge & Kegan Paul, 1961. — P. 117–130.
14. Dean C. Tipps. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective. — URL: <http://www.jstor.org/stable/178351> (дата обращения: 15.04.2022).
15. Hammer O. Tradition and innovation. The Oxford handbook of the study of Religion. — URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780198729570.001.0001/oxfordhb-9780198729570-e-48?rskey=osMbvp&result=1> (дата обращения: 15.04.2022).